

АМЕРИКАНСКИЙ МОМЕНТ РОССИИ

Глеб Павловский

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Апрельское заявление Дмитрия Медведева и Барака Обамы с обязательством «дать новый старт» отношениям и «перейти от теплых слов к работе» приветствовали именно за обилие теплых слов. Приверженность президентов «укреплению стратегической стабильности» — доброе дело, пока мир в кризисе и ценятся редкие позитивные симптомы. Однако дальше, за рамками очевидности, все прочее подлежит уточнению.

Главный вопрос: как может выглядеть *совместная глобальная работа* Вашингтона с Москвой? «Прорыва в отношениях» ждут с недоверием внутри каждой из стран. Доклад комиссии Харта-Хейгела по изучению политики США в отношении России (в РЖ он прокомментирован одним из ключевых членов Комиссии и соавтором доклада Дмитрием Саймсом) позволяет еще раз взвесить и, если удастся, прояснить глубокую неопределенность момента.

Время тестировать Америку

Проблема отношений с Америкой требует от нас переступить через ряд прошлых обстоя-

тельств, вызывающих законное недоверие к самой Америке, но еще более — к реальности нормальных отношений с ней. До сих пор *отношения России с Америкой большей частью были бесперспективны*, если не порождали новые угрозы. Буш навязал неверную методологию сотрудничества, а мы ее приняли. Недоверие Москвы относится не столько к Америке, сколько к американской методологии «партнерств». Здесь назрели перемены — но *проверяемые* перемены.

До и после июльского саммита Москва будет заниматься проверкой — **тестированием нового Вашингтона**. Россия должна протестировать не только намерения Обамы, но и *объем реально возможного для него на русском направлении*. Это не демонстрация недоверия, а пауза, связанная с обдумыванием перспектив ситуации. И куда торопиться? Белый дом — не торговая сеть с сезонными офертами; его собственные проблемы весьма серьезны. Мы слишком часто недооценивали глубокую *непонятность мотивов американских решений* — для нас и для наших стратегий. Впрочем, имея дело с таким подверженным веяниям (не всегда нам понятным — и не могущим быть нам понятным) гигантом, мы должны быть всегда готовы и к самым невероятным его рефлексам.

Все это надо взвесить, чтобы двинуться дальше. Независимо от политики США, Россия стоит перед лицом глубочайшего изменения форматов мировой политики, наподобие послевоенного времени или времен горбачевских преобразований.

Новый неизвестный мир

Недавние заявления Дмитрия Медведева о том, что политика инноваций по неясным для него

причинам не срабатывает, похожи на коан Юрия Андропова: «Мы не знаем страны, в которой живем». Пора сказать нечто подобное и о международной политике России. Она пробуксовывает, но виновен не МИД, а сам мир. На наших глазах провалены уже несколько мощных, профессионально разработанных политик — кстати, вполне «инновационных» — от вашигтонского консенсуса и финансовых деривативов до имперской политики и распространения демократии Джорджем Бушем-младшим. Проблемы с нашим миром явно глубже дипломатических недоработок.

Мы хотим быть великой державой, не зная мира, в котором хотим быть великой державой. Именно в этом мире нам сделано предложение. Предложение, правда, исходит от Америки, глобальная политика которой сама не выходит из полосы неудач.

Большинство русских статей по российско-американским отношениям начинаются с предложений типа «новая администрация США начала переоценку» или «после того, как Обама предложил России». Политика реагирования — верный признак отсутствия стратегии. Такой политике нужен повод, чтобы знать, чем ей заняться, а поводы она черпает из утренних новостей. Министр становится неотличим от редактора международного отдела: он глядит на ту же информационную ленту, и так же выбирает «топ-стори», — но для заявлений, а не для заголовков. Вот Северная Корея дала такой повод, взрывом мощностью в 20 килотонн рядом с Владивостоком и пусками новых ракет — тема дня есть.

Мир вошел в режим долгосрочной нестабильности, где каждого из игроков ждут собственные неповторимые риски. Взаимное соотнесение стратегий — часть тру-

да по стабилизации мира, *хочет этого Америка или нет?*

Мировая Россия — или «микромировая»?

Доклад комиссии Харта-Хейгела полезен тем, что выявляет сверхзадачу Обамы: **найти место интересам России — внутри и в пределах американских глобальных интересов.** Именно поэтому он важен для понимания контекста дебатов, идущих в США по поводу нашей страны. Доклад предлагает России очень дружественную и адаптированную к ней самой *корректировку американской глобальной политики, при непотворении и поддержке России.* Авторы предлагают не доводить ее до односторонних силовых импровизаций, невыгодных самим США. Впрочем Барак Обама и так обещал это всем. Практическая сторона доклада в том, чтобы помочь России «найти себе место» в системе американских приоритетов и далее стараться не выходить за его рамки и правила.

Но Россия не может быть стратегическим «партнером по вызову». «Россия-партнер по решению иранской проблемы»? О да, Иран, бесспорно, создает проблемы для политики ядерного нераспространения, и США приглашают Москву к диалогу по этой проблеме. Но диалог с Россией по Ирану не предполагает для США аналогичного диалога с нами по политике нераспространения в отношении, например, Индии, Пакистана или Израиля.

России снова и снова диктуют некий закрытый, выборочный

«перечень главных угроз», скорректированный под американские интересы. Это не ново. Американская политика в отношении России не дает нам подходов к пониманию мировых процессов и управлению ими. Иран — почему Иран? У России нет «иранской проблемы» в собственном смысле слова — как национального интереса. Именно в региональном контексте проблема Ирана для нас не слишком остра. Зато она укрупняется в контексте глобальных трендов дестабилизации — и это уже вопрос

Считается, что Россия может помочь США в зоне крайне чувствительных интересов, а если она откажется это делать — она опасна и подлежит сдерживанию. Любая общая политика в таком альянсе легко инвертируется в программу ослабления партнера и может обернуться против него

глобальной политики. Следует ли отсюда, *что Америка Обамы приглашает Россию к активной глобальной политике в зоне американских национальных интересов?*

Американская стратегическая шизофрения

Американская стратегическая шизофрения в отношении России весьма устойчива. Россия единственная выступает для США «партнером-противником», причем нам предлагается с этим согласиться — «ну вы же сами понимаете!». Считается, что Россия может помочь США в зоне крайне чувствительных интересов, а

если она откажется это делать — она опасна и подлежит сдерживанию. Не странно ли это? *Это — не «партнерство», даже в самой размытой трактовке понятия.* Любая общая политика в таком альянсе — по определению — легко инвертируется в программу ослабления партнера и может обернуться против него. (Идемте вместе сдерживать Тегеран, а если нам не понравится, как вы это делаете, то мы используем ваш конфликт с Тегераном против вас же). Эта американская стратегическая шизофрения не может быть преодолена из Москвы. Америка должна выбрать ту Россию, с которой она хочет иметь дело, и пойти на риск серьезного отношения к своему выбору.

В интересной статье «Сбалансированная стратегия» опубликованной в Foreign Affairs министром обороны США Роберт Гейтс цитирует Дональда Кагана — «наиболее эффективные результаты дает... наличие у государств, стремящихся сохранить мир, подавляющего превосходства в силах и готовности принять

на себя бремя и обязанности для достижения этой цели». Самое время спросить, признают ли Россию государством, стремящимся сохранить мир? Если да, то какого именно содействия ей ждать от США для достижения «превосходства в силах» на общих для нас направлениях?

Это не паранойя, а формальная логика, «если — то». Если от России ждут действий, весьма важных для интересов США (а действия — всегда проекция силы, мягкой или жесткой), то интересы США включают укрепление способности России к таким действиям, тем самым — укрепление России. Причем России, дейст-

вующей, подобно США и их союзникам, в собственных интересах.

Гейтс подчеркивает в своей «Стратегии» преимущество «метода непрямых действий – прежде всего за счет усиления потенциала государств-партнеров». Отсюда вопрос: предполагает ли стратегическое партнерство, в обновленном варианте Обамы, помощь России в укреплении ее потенциала, хотя бы и «непрямыми» методами? А если нет, если мы исключены из условий этого уравнения, то мы неизбежно будем считать любое расширение поля «непрямого укрепления альянсов», как направленное против нас. Этот стратегический диссонанс сопровождает все американские выкладки и предложения России.

К новой стратегии

Россия вечно дожидается от Америки «серьезного стратегического диалога», но не требует его в ясной форме, а внутри страны сама его не ведет. До сих пор мы двигались в неопределенный мир, ориентируясь на сводки последних новостей. Новая Америка Обамы встает перед задачей, на решении которой сложится либо нет новое стратегическое сознание России. Речь не о сумме тактик, а именно о стратегии, способной иметь дело с этой самой загадочной страной современного мира.

Важнейший американский глобальный ключ – право и возможность не допустить, чтобы кто-либо преобразовал мир по тому или другому эталону. Готовы ли американцы советоваться с Россией по стратегическим вопросам? *США признают за Россией глобальную ядерную компетенцию.* Но тогда у России должен появиться собственный, *второй ключ* в вопросах ядерного распространения, какой есть у Америки. И США не могли бы, просто не имели бы права «принять к сведению» ядерное вооружение Индостана без предварительных консультаций с РФ.

Между тем, повестка дня нового российско-американского диалога уже сегодня почти целиком относится к глобальной, а не региональной повестке: СНВ, ДНЯО, ПРО, НАТО, Афганистан, Иран, Центральная Азия, Северная Корея, постсоветское пространство – все это в центре сцены нового мира, а не на ее периферии. Действия России в таком ландшафте могут быть эффективны только как действия **державы-носителя мировой компетенции.** Готовы ли США советоваться с нами по вопросам европейской стратегии? А почему бы и нет? Сделка по ПРО это молчаливо предполагает.

Мир может быть сколь угодно неопределен (он всегда был таков!). И все равно он будет объектом управления. Мир будет объектом той или иной глобальной власти – множественной, распределенной, внутренне конфликтующей, но – власти. Она может применяться со своей суверенной территории или же вторгаться на чужую – и все равно она мировая власть. Буш испытал, насколько она близка и насколько труднодостижима. России нужна своя доля мировой власти, в том числе и там, где ее потенциал фактически имеет глобальный характер. ■

РОССИИ И ШТАТАМ ЕСТЬ ЧТО ПРЕДЛОЖИТЬ ДРУГ ДРУГУ

ДЖОЗЕФ НАЙ-МЛАДШИЙ – председатель Трехсторонней комиссии с американской стороны, декан школы государственного управления Гарвардского университета, профессор, автор идеи «мягкой силы» («soft power»)

Специально для РЖ

Безусловными победителями холодной войны являются народы как России, так и Соединенных Штатов Америки. Единственным проигравшим – забюрократизированная коммунистическая система, которая была выгодна исключительно привилегированным слоям СССР, и Михаил Горбачев заслужил гораздо большего уважения за слом этой системы и за окончание холодной войны, чем он получил. Это кажется очевидным. К сожалению, эти давние выводы до сих пор не вылились в конкретные предложения по улучшению российско-американских отношений на официальном уровне. Инерция мышления в стиле «холодной войны» до сих пор существует. Россия ни в коем случае не должна рассматриваться в качестве проигравшей стороны в противостоянии США – СССР, как минимум потому, что Советского Союза не существует. Очевидное игнорирование этой элементарной истины на протяжении последних восемнадцати лет и приводит к тому, что «пересмотр результатов холодной войны» попадает в фокус внимания заинтересованных сторон, порождая мифы и спекуляции.

Сейчас в США по от-

ношению к России складывается столь необходимый межпартийный консенсус «реалистов», состоящий как из демократов, так и из республиканцев. Суть этого консенсуса, в двух словах, в том, что Америка должна серьезно и постоянно учитывать российские интересы в своей политике, а не игнорировать их, как это время от времени происходило ранее.

В первую очередь необходимо **предложить Москве убрать из повестки дня самый раздражающий Россию вопрос – размещение элементов американской ПРО в Восточной Европе.** Белый Дом мог бы предложить России или совместную программу противоракетной обороны, которая учитывала бы ее интересы, или отложить одностороннее осуществление программы ПРО на неопределенный срок, пока заинтересованные стороны не определят ее статус.

В свою очередь, Россия могла бы более активно оказывать содействие США в противодействии угрозам на Ближнем Востоке: противодействовать Ирану в его стремлении стать ядерной державой, оказать содействие в урегулировании проблемы терроризма в Афганистане и других близлежащих странах региона. ■